

Сергей Борисов, доктор философских наук, автор превосходного учебника «Основы философии», который был представлен в прошлом номере бжк, в нынешней публикации подробно объясняет истоки философии и философствования и уточняет по ходу понимания, в чем же таки состоит смысл жизни и смысл смерти.

Учить философствованию...

О философии сказано и написано очень много. Но все популярные изложения ее предмета, на мой взгляд, весьма поверхностны — они не раскрывают в полной мере сути самой философии, которая определяется мною достаточно широко. Существующее традиционное определение философии как науки о чем-то там всеобщем, думаю, не годится — оно даже сужает ее предмет. Философия для меня есть форма духовной деятельности, направленная на постановку, анализ, решение тех или иных мировоззренческих вопросов, связанных с формированием целостного взгляда на мир и на место в нем человека.

Философия становится для человека актуальной в определенных жизненных ситуациях: когда он решает те или иные мировоззренческие вопросы и проблемы, которые ставит перед ним сама жизнь. Это те ситуации, которые нельзя ни спрогнозировать, ни изменить, в них просто человек оказывается, с ними он вынужден считаться — и единственным выходом является шаг в философию. По сути человек становится философом поневоле — когда ничего изменить нельзя, и единственное, что он может — измениться сам, изменить свое отношение к происходящему, отношение к ситуации. В таком случае философия — не некая цель, обязанность — а скорее задача, которая связана с тем, что в том качестве жизни, которое не устраивает человека или кажется не подлинным, ему надлежит найти реальное качество жизни, повысить его.

Каждый человек для себя философ, вопрос лишь в том — хорош он как философ или плох. Служит ли ему философия для того, чтобы повысить качество своей жизни — «быть счастливым» — или же представляет собой багаж каких-то сомнительных знаний и прочего хлама, обреченного на забывание, которым человек не пользуется. Прежде всего, мне важно дать понять, что философия — это не какое-то особое «знание». Уже само определение философии — есть обращение субъекта к самому себе.

Философия — любовь к мудрости — это единственная область науки или чего-то околонучного, которое начинается не с самой предметной части, а именно с чувства любви. Понятно, что человека нельзя заставить любить или научить любви. Любовь — не просто чувство, возникшее однажды, а чувство, о котором следует постоянно заботиться, культивировать в себе, возвращать... И уже в свете этого чувства человек меняет свое представление о мире. Главная функция философии — мировоззренческая. А чувство любви позволяет человеку ощутить себя, показать самому себе, что он есть на самом деле, что он может быть счастливым, состоявшимся в полной мере. Вот в чем и заключается главная задача философии.

Казалось бы — что это за «основной» вопрос философии — вопрос о подлинном существовании? Подлинное существование — существование на-самом-деле, не притворное, не фантазийное — это то, что реально всем своим нутром субъект переживает, чувствует. Онтологический вопрос естественным образом возникает в любого рода беседе, обсуждении — когда близкие люди выясняют отношения, пытаются выяснить «как же реально ведет себя человек», «чем мотивировано его поведение». «Любишь ли ты меня? Точно-точно ли ты меня любишь?» — это онтологический вопрос по сути дела. Или, говоря о том, что меня окружает и происходит вокруг, — я опять-таки задаюсь вопросом: действительно ли этот мир реален — или я живу в облаке своих фантазий и грез, принимая воображаемое за действительное?

Вопрос о подлинности — всегда насущный вопрос. И начинает его задавать человек уже тогда, когда он в состоянии выделить себя из окружающего мира, благодаря способности к рефлексии. Карл Ясперс, известный немецкий философ, говоря об истоках философии, утверждал, что «философствование свойственно уже детям». Онтологические вопросы, которые может задавать ребенок по поводу своего существования, мироощущения, границ между субъектом и тем, что ему противопоставлено, — это и есть начало философствования.

Чудесная книга Корнея Чуковского «От двух до пяти» буквально насыщена детским наивным философствованием. Например, ребенок задает вопрос своей маме (вопрос неспроста) по поводу своего существования: «Мама, а когда я родился, как вы с папой поняли, что я Юрочка?» Ну, что могут ответить родители? «Мы тебя просто назвали, а уж какой ты из себя Юрочка и что ты из себя представляешь,

покажет жизнь...» А ведь ребенку кажется, что его родители — это «боги», способные так глубоко познать его изнутри, чтобы дать ему такое подходящее имя.

Или еще вопрос ребенка по поводу подлинности своего существования и границ между субъектом и объектом: «Мама, кто раньше родился — ты или я?» В чем суть этого вопроса? Эгоцентризм ребенка понятен, поскольку он уже вполне осознает себя и свои потребности. Чтобы у тебя все было — достаточно заявить о себе — громко крикнуть, проявить беспокойство и все явится! А вскоре ребенку открывается нечто иное: оказывается, что это все не та реальность, которая существует на самом деле, что есть еще некий загадочный мир сам по себе. В этом мире далеко не все творится по его воле, далеко не все обусловлено его желанием и не все вокруг есть проявление его желания. А еще оказывается, что мама, которая, как бы, гарантирует ребенку любовь, заботу, радость — сама является человеком. Она живет в особом мире, со своими потребностями, желаниями, делами. И ребенок должен принять эту границу! Да, есть «я», есть «мой внутренний мир», но есть и нечто «внешнее», что может быть до конца непонятно. И чем отчетливее возникает эта граница в жизни человека, тем острее чувствуется потребность в философствовании, в осознании самого себя.

Говоря об истоках философии и философствования, Карл Ясперс выделяет четыре главных момента, которые делают философом любого человека, независимо от области его интересов, знаний, профессии. Первый исток — удивление. О нем в свое время говорили еще Платон и Аристотель. Эту тему подробно развивал Мартин Хайдеггер, уточняя, что суть удивления не в том, что «мы что-то увидели необыч-

ное», а в том, что «выдергивает» человека из повседневности, из состояния сна наяву: когда, казалось бы, обыденные вещи вдруг приковывают к себе внимание. Это могут быть какие-то личные чувства и переживания, какие-то события, фрагменты реальности. И удивление позволяет видеть что-то необычное в обыденном, повседневном. Мы не можем ответить на вопрос: как и почему возникает это «необычное»? Оно просто есть и все. Важно, что наше внимание сконцентрировалось. Концентрация на каком-то предмете, событии, действии — переносит этот интерес к структурам сознания, поскольку это же самое «я воспринимаю», «я чувствую», «я переживаю». И тем самым через удивление происходит «возврат к себе», к осознанию того, что же есть подлинного в моей жизни. Оказывается, что «я жил в каком-то мире, в который это событие, чувство, переживание не было включено». А это чувство и переживание заявляет о себе. Следовательно, я должен в него погрузиться — и у меня уже возникают вопросы к самому себе по поводу подлинности того мира, в котором я жил.

Поэтому за удивлением следует сомнение. Сомнение в тех мировоззренческих устоях, к которым я привык, к той позиции, которая давала мне ответы, казалось бы, на все жизненные вопросы. Сомнение может приобретать радикальную форму, и в своей радикальной форме может даже использоваться как метод философствования. Это знаменитая ирония Сократа и радикальное сомнение Декарта. Логика тут проста: сомнение есть наиболее наглядное, яркое свидетельство того, что «это мне интересно». По большому счету единственное, в чем я не могу усомниться, — это в факте своего сомнения — «ну, сомневаюсь!..» По мысли Сократа и Декарта — там, где возникло сомнение, — есть уже намек на то, что

«эта область стала предметом нашего интереса». Сомнение открывает нам подлинное знание, суть которого в том, что единственное, что я могу знать — это свое незнание. Именно оно дает мне вопросы, именно оно вовлекает меня, именно оно позволяет мне расширить горизонты своих мыслей, чувств и так далее. Ну и увлекаясь этим сомнением, человек, по сути, начинает философствовать.

Декарт применил «сомнение» как метод установления онтологической подлинности субъекта, подлинности своего существования. Он решил просто — все, что вызывает сомнения, можно отбрасывать, не вдаваясь в детали, — и если вдруг однажды повезет и обнаружится нечто, что уже не вызывает сомнения, это и будет истина! То есть тот фундамент, та твердая почва, на чем следует выстраивать свое мировоззрение.

Первое, что пришлось отбросить Декарту, и что вызвало у него сомнение — так называемый «мир сам по себе», этот знаменитый «философский стол» (предметность). Ведь когда мы говорим «мир сам по себе», то прекрасно понимаем, что вне наших чувств, восприятий «мир сам по себе» нам никак не дан. И мы вынуждены делать массу оговорок по поводу установления подлинности того, что мы видим, чувствуем. Но поскольку людей очень много, то весьма многообразны и особенности их восприятия. Следовательно, очень слабы критерии установления того, что есть «само по себе», если это опирается только на субъективные восприятия и чувства. Это может быть какими-то галлюцинациями, коллективным заблуждением, игрой фокусника — да всем, чем угодно. И подобных примеров масса. Таким образом, опора на очевидность, опора на достоверность, на то, что общепризнано, — не свидетельствует о существовании мира «самого по себе».

Куда же выводит нас сомнение? На основании чего я что-то чувствую, переживаю? Это дает мне тело. Следовательно, тут я сомневаться уже не могу. Тело вызывает чувства, эмоции, ощущения. То есть, вот она — «реальность». Однако и тут сомнение не покинуло Декарта. Ему пришлось отбросить существование «тела», как тоже нечто сомнительное, поскольку тело есть продукт определенной работы, сборки, конструирования. Как часть внешнего мира он тоже подвержен закону всеобщей изменчивости. Представьте себе, что мы, как бы, пребываем в возрасте младенца, потом, скажем, в середине жизни и, наконец, на склоне лет. Очевидно, что уже само по себе определение «наше тело» будет неверно, поскольку клеточный состав биомассы живого организма за время жизни много раз обновляется. То, что мы называем «я», прежде всего, связано с телесностью, и это настолько видоизменяемый объект, что здесь запросто можно допустить некий произвол. А коли так — то и наше тело дано нам извне, как и весь окружающий мир. Поэтому и здесь при установлении подлинности мы тоже можем ошибаться.

Что же тогда нам остается, если мы отбросим и тело? Тут Декарт переходит к сопоставлению сна и бодрствования. Допустим, мы спим и видим сон — где мы? Здесь есть однозначный ответ — мы «там, где есть сознание». При этом можем ощущать себя в теле или вне тела, поскольку если зададимся вопросом, типа «где мы, если спим и не видим снов?» — ответа на него не получим. Но как только проснулись, либо ощутили себя во сне — ответ на этот вопрос очевиден: я «там, где есть сознание».

«Мыслию — следовательно, существую» — знаменитый вывод Декарта. Он выстраивает цепочку, противоположную той, к которой мы привыкли. А именно: существует окружающий мир, и с ним есть кон-

такт через органы чувств, которые передают информацию нервной системе, возбуждающей импульсы в мозгу. И таким образом проявляется картина мира. Но Декарт представляет все наоборот, он артикулирует существование сознания, которое может быть воплощено, а может, и нет. Если же мое сознание в теле, то через тело происходит контакт с окружающим миром. Это спорное мнение, но, по крайней мере, мы видим, как радикальное сомнение, как метод самопознания, погружения вглубь и попытку решить онтологический вопрос можно использовать на практике.

Третьим истоком философствования по Карлу Ясперсу являются «пограничные ситуации» жизненного опыта. Те ситуации, которые невольно принуждают человека рассуждать о мире и его подлинности. Причем искусственно их не создашь, но жизнь богата подобного рода ситуациями — когда не хотел бы думать, а приходится. И тут происходит возврат из мира к субъекту, который предпринимает попытку установить, что он в состоянии сделать в этом мире. Несмотря на то, что подобные ситуации случаются и нередко переживаются в весьма трагичных обстоятельствах, они могут быть очень полезны и целительны по той простой причине, что субъект вынужден заново открывать себя, переживая новое рождение. В пограничных ситуациях, когда все ходульные доводы уже не действуют, человек поневоле начинает возвращаться к подлинному «себе», который остался где-то потерянным в жизни, но которым на самом деле и является. В этом целительная сила стрессов — человек обретает себя, обретает свою подлинность. Пограничное состояние приводит к мировоззренческому перевороту — в сознании субъекта меняется картина мира, поскольку она создается самим же субъектом.

Ну и последний, четвертый источник философии — это воля к коммуникации. Философия по большому счету всегда есть живое философствование, а не набор каких-то застывших знаний и догм. Любого рода информация о философии, о том, что какой-то великий мыслитель в таком-то веке что-то великое сказал — не более чем информация к сведению. Она не работает, ее не к чему применить. Пусть лучше в ходе рассуждения своим языком мы как-нибудь сами выразим ту или иную мысль, пусть даже не зная, что это до нас уже сделали. И от этого будет гораздо больше пользы. Потом мы можем все закрепить известным философским текстом, тем самым подтверждая подлинность своих рассуждений, да еще получить какие-то дальнейшие перспективы для новых исследований.

Вспомним Мераба Мамардашвили, известного советского философа и нестандартного мыслителя, для которого сами понятия «философия» и «философствование» являются тождественными. Он сравнивал их с симфонией. С его точки зрения любая мысль есть исполнение мысли. И так, симфония. Нотная запись понятна немногим, только специалисты могут в ней что-то видеть. Но вот зазвучала музыка... И каждый находит в ней важное для себя. Есть мысли Платона или Канта — но пока они не стали частью моего сознания и пока они не выражены мною — это пустая и ненужная информация, которая обречена на забвение. А как только она стала применима к моей жизни, как только она стала исполняться мною и действовать во мне — тогда моя философия уже служит мне, и я сам решаю какие-то свои уникальные жизненные вопросы с помощью того, что она мне дала и открыла.

Возвращаясь к моменту коммуникации (поскольку философия есть исполнение), выходит, что

философствование есть исполняемость. Чтобы удостовериться в том, что я выявил — а выявил я самого себя, то есть открыл в себе субъекта — мне нужно в силу рефлексивности моего сознания в ком-то отразиться. Мне нужно высказать, передать свои чувства-эмоции-переживания, выразить кому-то свою мысль. Такой момент «сообщаемости» весьма важен! Именно философствование, как коммуникативный акт, и дает возможность философии осуществляться, то есть быть нужной и полезной. Отражаясь в другом, я узнаю, кто есть я сам. Без этого отражательного момента моя онтологическая неуверенность будет продолжаться. А здесь я получаю подтверждение своего существования, что даст мне огромный прирост понимания и значимости собственного «я».

Это дает прирост и другому. Поскольку мы здесь выходим в ту область, когда какие-либо внешние границы и условия становятся уже не важны, то здесь проявляется та зона, которую философы называют «трансцендентальный субъект», то есть субъект, снявший с себя какие-либо социальные, этнические, этические и прочие различия. Это субъект «вообще». И тогда нам становится абсолютно не важно, кто наш собеседник — молодой или старый, мужчина или женщина — мы находимся в зоне общности, единства с ним. Теперь уже все наши чувства-переживания-мысли удваиваются, утраиваются... И вся эта мощь, которая возникает внутри, — приносит изысканно тонкое духовное удовольствие, которое не сравним ни с каким другим наслаждением поверхностным и плотским, которое легко удовлетворить и которое быстро проходит. А помимо божественного удовольствия — это еще акт расширения нашего знания, представления о реальности. Именно здесь мы и находим ответы на все вопросы — в зоне трансцендентального субъекта,

именно в ней находится подлинность. Все остальное — иллюзия.

Говоря о цикле жизни — когда человек голым рождается и спустя некоторое время голым умирает — очень важен фон, который окружает его постоянно. И само восприятие, и принятие этого алгоритма может быть как смиренным, так и возвышенным. В момент своего рождения человек переживает самый первый жизненный кризис. И поскольку ему пока неизвестно, что есть жизнь, — это событие, по сути, есть опыт смерти. А именно: сам момент прекращения внутриутробного существования естественно вызывает ужас, страдание, чувство буквальной оторванности от того, что составляло привычное состояние человека. Поэтому рождение человека воспринимается как его первая трагедия! Как прекрасна была жизнь, и вот она — смерть.

И что же нас ждет на этом но-

вом пути? Нас ждет откуда-то возникшее сильное и безусловное чувство — материнская любовь. Пройдя через опыт смерти, мы встречаем безмерную и безграничную любовь. Это сверхчувство настолько богатое, широкое и основательное, что оно восполняет даже прерванные при рождении прежние связи! Вот она — моя жизнь! И ее фундаментом является безусловная материнская любовь, иначе мое существование становится невозможным. Фактически первый опыт нашей смерти мы празднуем как шанс, который нам открылся в день рождения. Мы ведь не знаем, почему мы появились на белый свет. Мы опираемся только на то, что вложили в нас наши родители, которым мы бесконечно доверяем и которые стали условием нашего существования. А сама наша жизнь является реализацией их программы.

Здесь можно было бы поспорить с тезисом Декартом: «Я мыслю — следовательно, существую». Можно

еще глубже заглянуть и спросить: «А кто мыслит-то? Что за я? Чье сознание?» Ну ладно — тело не мое, да и сознание — тоже не мое? Ведь вслед за физическим рождением постепенно наступает следующий этап рождения, когда мы находимся во всем том, чему безусловно доверяем. Тогда же и возникает представление о себе, возникает «мое я», как отражение моего рефлексивного сознания. Я отражаюсь в себе. И тут уже намечаются зоны будущих конфликтов, которые, с одной стороны, дают возможность реализоваться в той программе, хозяином которой я не являюсь, а с другой стороны, создают условия для освобождения от этой программы. И постепенно, когда уже все, что от меня не зависит, будет мною реализовано через мое существование, тогда, наконец, я и обрету себя.

Я — подлинный, и на уровне трансцендентального субъекта уже никак не связан теми путями, которые породили меня и внесли в этот

мир. Я с ними полностью порвал. И тут по мысли Гегеля наступает самое последнее прозрение и понимание человека, открывается самый последний смысл — смысл смерти. Почему я должен умереть? Причем, не в плане того, что «я должен умереть — какой кошмар!» А именно приходит осознание того, что выполнено все, а значит, больше нет никакой необходимости для существования в прежнем измерении и в прежней телесности. «Я» уже обрел иную область, в которой и существую. И это именно та область, то самое главное, что постепенно уводит и уводит меня шаг за шагом от мирской суеты.

Все это замечательно показано у Платона в «Федоне», где Сократ перед казнью, утешая своих учеников, говорил: «Я утешаю вас не потому, что я презираю смерть, а потому, что, философствуя, я по сути дела много раз уже умираю, погружаясь в свои мысли целиком и полностью — я обретал иную реальность, я не существовал для этого мира. И вы, общаясь со мной, могли заметить, что я есть — но меня и нет. В таком случае любого рода философствование — и есть смерть, но одновременно и рождение того, к чему нас влечет, что составляет смысл».

Последнее желание Сократа было парадоксальное — «принести в жертву петуха». Но ведь эту жертву всегда приносили во имя выздоровления! Сократ показал, что он «выздоровел» от жизни. Освободился от того, что ему не принадлежит. И ведь освободившись, мы не будем одинокими. Мы придем туда, к чему шли всю жизнь, к тому, что сами себе создали. Да, человек голый рождается и голый умирает, но помимо этого происходят более важные процессы, которые составляют смысловую основу жизни и никто, кроме нас, эти процессы не претворит. В этом и есть главное предназначение нашей жизни. **БК**